

Дюркгейм, социальный эгоизм и уборка слоновьего дерьма, или Почему «жить без кайфа — это вторяк»

Илья Пресняков

Тель-Авивский университет (TAU); Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
Москва, Россия, presnyakoviliaval@gmail.com.

Ключевые слова: Эмиль Дюркгейм; социальный
эгоизм; *homo duplex*; «Вавилон»; слон.

Этот текст не про Эмиля Дюркгейма и не про фильм. Это небольшое упражнение, демонстрирующее, как локальная социологическая теория может быть применена для анализа художественного произведения. Для этого разбирается одно теоретическое напряжение, содержащееся

внутри представлений французского социолога о сущности человеческого эгоизма. Отсылка к фильму «Вавилон» (2022) поэтому не более чем иллюстративна. Она тем не менее позволяет наглядно описать идеально-типические характеристики «эгоистического» самоубийства.

Мы можем добиться только того, что память о нас будет жить в нескольких поколениях, что наше имя переживет наше тело; но всегда неизбежно наступает момент, и для большинства людей он наступает очень быстро, — когда от памяти о них ничего не остается.

Эмиль Дюркгейм

Введение: почему Дюркгейм — драгдилер?

ПАРУ лет назад, когда мы со студентами в Шанинке разбирали социологический этюд Эмиля Дюркгейма о самоубийстве, я обратил их внимание на следующий пассаж, который на первый взгляд выбивался из привычной дюркгеймовской логики:

Мы знаем, что самоубийство среди детей — факт совершенно исключительный и что с приближением глубокой старости склонность к самоубийству ослабевает. В обоих случаях физический человек захватывает все существо индивида. Для детей общества еще нет, так как оно еще не успело сформировать их по образу своему и подобию. От старика общество уже отошло, или — что сводится к тому же — он отошел от общества¹.

Но как общество может «отойти» от человека? Почему оно отходит именно от старика, а ребенку и вовсе себя не являет? Каким образом человек может сам «отойти от общества»? В школе нас учили, что процесс социализации длится всю жизнь. Позже, готовясь к университетским семинарам по Дюркгейму, мы узнали о «социальных фактах». К ним социолог относит, например, социальные институты, способы действия, коллективные представления, миграционные процессы и, конечно, само об-

Автор благодарит некогда своих студентов, а ныне коллег Илью Новикова и Михаила Белова за инициативу и старательную редакторскую работу, а также свою жену — за кинопросвещение.

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб.: Союз, 1998. С. 246.

щество. Социальные факты характеризуются Дюркгеймом как «всеобщие», «принудительные» и «необходимые». Они «имеют свое собственное существование» и «сопротивляются» любому индивидуальному отклонению². Наконец, в «Самоубийстве» буквально за абзац до упомянутого отрывка Дюркгейм подытожит:

... в тот момент, когда индивид резко отдаляется от общества, он все еще ощущает на себе следы его влияния³.

Так в чем же дело? В интенсивности и внезапности отступления (тактического? стратегического?) от общества? В половозрастных характеристиках отступающих? Или, может, это нечто, что подразумевает градиент, когда, с одной стороны, можно сделать шаг, еще оставляющий нам шанс вернуться в лоно социального, с другой — когда остается только уйти безвозвратно?

Примерно так мы рассуждали на той паре со студентами. Но дьявол (теоретико-социологический — в том числе), как известно, кроется либо в деталях, либо в человеческой невнимательности. В нашем случае сработали оба фактора.

Сделаем шаг назад и посмотрим на дело издалека. Дюркгейм приводит пример с ребенком и стариком, когда описывает причины и механику так называемого эгоистического самоубийства, основная причина которого — чрезмерная индивидуализация жизни, или, по-другому, социальный эгоизм. Склонность к суициду в данном случае можно объяснить так: связи, которые объединяют индивида с другими людьми, в силу разных причин (каких? нет, я не позволю себе спойлеров, читайте Дюркгейма!) ослабевают настолько интенсивно, что он все меньше зависит от социального окружения, не испытывает потребности в общности духовной жизни, а в поведении руководствуется исключительно личными интересами. В итоге такая оставленность (а точнее — предоставленность только самому себе) и недостаток чувства солидарности оборачиваются против индивида: в ситуации мелкой жизненной неуряди-

2. *Он же*. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 421; *Он же*. Социология. Ее предмет, метод и назначение. М.: Канон, 1995. С. 30–31; *Он же*. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018. С. 721, 732.

3. *Он же*. Самоубийство. С. 245.

цы или, напротив, глобального крушения идеалов и проектов у него не остается никакой социальной «брони» в виде устойчивых связей или окружения, способствующих его возвращению в нормальное течение жизни. А эгоизм лишь подпитывает стремление убить себя.

Но что особенного в эгоизме стариков и детей? Почему их «отход» от общества не отражается негативно на общем показателе самоубийств? Вчитаемся повнимательнее. Дюркгейм уточняет, что в данном случае все существо ребенка и старика «захвачено физическим человеком». Но кто это такой? И если есть человек «физический», то, возможно, должен быть и какой-то другой, «нефизический» человек?

Антропология Дюркгейма представлена в концепции природожденной двойственности человеческой природы, в соответствии с которой бытие каждого индивида поделено на две составляющие. Первая связана с его телом, физиологическими особенностями организма, чувственными наклонностями и ощущениями. Вторая отражает результат поглощения человека общественной жизнью, ее институтами, коллективными представлениями (понятиями), моральными фактами и социальной деятельностью. Иными словами, если вторая сторона социализирована, то первая — нет.

Два центра человеческой жизни антагонистичны друг другу. Они, подчеркивает Дюркгейм,

...противостоят друг другу как личное — безличному. В нас имеется существо, которое все представляет себе... со своей собственной точки зрения, и все его действия также направлены на него самого. Но есть и иное существо, которое познаёт вещи *sub specie aeternitatis*, как если бы оно было причастно другой, не нашей, мысли, и в то же время все его действия направлены на цели, превосходящие его самого. Старая формула *Homo duplex* подтверждается фактами⁴.

Дуализм человеческой природы влияет на поведение индивида. Например, когда проявляется в форме эгоизма:

Наши чувственные желания обязательно эгоистичны, их предметом является исключительно наша индивидуальность. Когда мы удовлетворяем свой голод, жажду и т. д., то, если при этом

4. Он же. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 136.

в дело не вступает никакая другая наклонность, мы удовлетворяем себя и только себя.

И тут же в сноске:

... в чувственных желаниях преимущественно проявляется эгоистический тип наклонностей. Мы даже полагаем, что привязанности, которые скрепляют нас с предметами иного рода, пусть эгоистический мотив и играет в них некоторую роль, все же с необходимостью предполагают стремление к выходу за пределы себя, которое превосходит чистый эгоизм⁵.

Принимая во внимание рассуждения Дюркгейма о сущности человека, можно констатировать как минимум две трактовки упоминаемого им эгоизма.

Во-первых, эгоизм как забота, например, ребенка или старика о физиологической, биологически обусловленной стороне жизни, связанной с организмом, его здоровьем, ощущениями и естественными потребностями. Этот «чистый эгоизм» — результат дисбаланса двух начал человеческой природы в пользу личного, а не социализированного. Человек, конечно, продолжает жить в обществе, но связь с ним не является для него главной. Поэтому такая направленность поведения в наименьшей степени связана со стремлением лишить себя жизни:

В результате и ребенок, и старик более чем другие люди могут удовлетворяться самими собой; они меньше других людей нуждаются в том, чтобы пополнять себя извне, и, следовательно, скорее других могут найти все то, без чего нельзя жить⁶.

Другое дело — эгоизм человека, познавшего вкус социально насыщенной жизни. Социальное в данном случае сродни наркотику, вызывающему сильнейшую зависимость. И действует это вещество коварно: оно обесценивает частную, индивидуальную сторону индивида, растворяет ее в концентрате общественного, обезличенного и коллективного. В тот момент, когда человеческая потребность в наркотике социального больше не может быть удовлетворена из-за поломки некогда устойчивых социальных связей, он принимает решение не продолжать жить:

5. Там же. С. 135.

6. *Он же*. Самоубийство. С. 246.

Так как мы были приобщены к высшим формам существования, то жизнь, которая удовлетворяет требованиям ребенка и животного, уже не в силах больше удовлетворить нас. Но раз эти высшие формы ускользают от нас, мы остаемся в совершенно беспомощном состоянии; нас охватывает ощущение трагической пустоты, и нам не к чему больше применять свои силы⁷.

Читатель подумает: «К чему это странное сравнение жизни в обществе с наркотической зависимостью?» Дело в том, что в логике Дюркгейма зависимость человека от общества не подразумевает вариантов «подвязать», «перекимарить», «закрыться в рехаб» или перейти на нечто более легкое. Без последствий «отойти» от социальной стороны жизни действительно не получится. Правда, гипотетически можно и не начинать, не подсаживаться на иглу коллективного и морального начал, то есть прожить в модусе ребенка или старика, не готовых принести в жертву обществу свои индивидуальные наклонности. Но как говорит мой сосед по даче: «Жить без кайфа — это вторяк».

«Вавилон»: что не так с уборкой слоновьего дерьма?

Совсем недавно пример последствий такой тяги к социальному я обнаружил в фильме «Вавилон» режиссера Дэмьена Шазелла, снявшего до этого оскароносный «Ла-Ла Ленд» (2016). Картина 2022 года — это комедийная драма о судьбах главных действующих лиц Голливуда конца 1920-х годов: актеров, музыкантов, продюсеров и кинокритиков. Яркие взлеты и трагические падения происходят на фоне стремительного технологического прогресса — перехода от немого кино к звуковому. Сразу оговорюсь, что сюжет картины никак не связан с дюркгеймовским устойчивым «социальным показателем самоубийства», то есть с постоянной и характерной для определенного общества в определенный промежуток времени склонностью, интенсивность которой измеряется «отношением общей цифры добровольных смертей к населению без различия пола и возраста»⁸. И уж тем более после просмотра нельзя что-либо сказать о влиянии на этот показатель индустрии развлечений и кинематографа. Примеры, которые я буду исполь-

7. Там же. С. 243–244.

8. Там же. С. 31.

зовать, носят поэтому не более чем иллюстративный и гипотетический характер.

На 15-й минуте фильма мы становимся свидетелями диалога, тема которого будет сопровождать героев и зрителей до финальных титров. Начинаящая и пока что никому не известная актриса Нэлли ЛаРой спрашивает молодого, но уже достаточно опытного и ухватистого парня из обслуживающего персонала Мэнни Торреса, почему тот всегда хотел побывать на съемочной площадке. Ответ звучит абстрактно, но убедительно:

Мэнни: Я хочу стать частью чего-то большего... Большого, чем моя жизнь. Большого, чем уборка слоновьего дерьма. Большого, лучшего, важного. Хочу что-то сделать, стать частью чего-то важного. Того, что вечно. Того, у чего есть смысл.

Нэлли: Отличный ответ! Я тоже люблю смотреть кино. Ты погружаешься, и тебе не нужно жить свою ничтожную жизнь.

Для наших героев приобщенность к индустрии кино — это не просто одна из форм профессиональной реализации или гарантия безбедной жизни. Напротив, для них это возможность не замыкаться исключительно на себе, обрести сакральный объект (согласимся, что уборка за слонем в этом смысле — так себе вариант) и служить ему. Таковыми они выбирают социальную машинерию кинематографа с его съемочными площадками, репетициями, поисками реквизита, премьерными показами, светскими вечерами, оргиями и так далее. Мы наблюдаем опьянение социальным, в момент которого, как бы сказал Дюркгейм, «все эти формы являются самим обществом, воплощенным и индивидуализированным в каждом из нас»⁹. И для того чтобы деятельность имела разумные основания,

...объект, которому она служит, не должен быть [нашим героям] безразличен. Мы можем быть привязаны к первой лишь в той мере, в какой мы привязаны и ко второму, то есть к обществу¹⁰.

Если пользоваться сравнением социального с наркотическим, то Джек Конрад — неоспоримая звезда немого голливудского кино — это наркоман со стажем. Его энтузиазм уже не ограничи-

9. Там же. С. 242.

10. Там же.

вається тільки актерським ремеслом. Конрад мечає пересобрати жанр, нащупати напрямок кінопрогресу: знайти альтернативу історическим епопеям, популярним в то время, «чтобы завтрашний одиночка смотрел на мерцающий экран и впервые думал: „Эврика, я не один!“». В общем, жизнь Конрада — это дюркгеймовская «высшая форма существования», усталости и насыщенности от которой быть не может. Но есть одно но. Даже два.

Во-первых, морфология киносообщества, которая препятствует высокому уровню сплоченности и солидарности. Показательным в этом смысле является эпизод, в котором уже успешный продюсер Мэнни с легкостью увольняет из команды любимицу публики леди Фей. Он посчитал, что ее скандальная и неоднозначная репутация может навредить новому образу Нэлли, возвращающейся на большую сцену. Профессиональные социальные связи оказались недостаточно крепкими.

Во-вторых, индивидуалистические наклонности самого Конрада. Фильмы, в которых он снимается, это произведения одного актера, а большинство новых проектов создается специально под него. Конрад заранее получает негативы пленки, чтобы посмотреть, насколько хорошо он вышел в кадре. И, кажется, так будет всегда.

Но вот когда желанный прогресс в киноиндустрии (появление звукового кино) наступает, Джек Конрад сталкивается с профессиональным провалом. Неумение работать с голосом и подбирать выразительные интонации становятся причиной едкого смеха зрителей, выражающего не более чем насмешку. Коллеги по цеху могут разве что ободрительно хлопнуть по плечу, не выразив честного презрения, сожаления или сочувствия.

Конрад любит кино, уверен, что его работа много значит для миллионов людей, потому что «то, что происходит на экране — не бессмысленно». Наконец, он считает себя одним из создателей той формы социального, которая стала «домом» не только для него, но для многих других: рабочих на площадке, зрителей, журналистов, критиков, бизнесменов. Но все это никоим образом не гарантирует устойчивости и плотности социальных связей, которые, как бы выразился Дюркгейм, служат «предохранителем» от эгоистического самоубийства.

С социологической точки зрения дело, конечно, совсем не в голосе или репутации Конрада. В разговоре с кинокритиком Эленор, производителем «субстрата» общественной мора-

ли голливудской социальной среды, Конрад четко артикулирует собственную индивидуалистическую направленность, которая одновременно отражает индивидуализацию жизни всего кинообщества:

Я никаких иллюзий не строил и не притворялся, что мы друзья. Я общаюсь с тобой, а ты со мной. Такая у нас работа.

В ответ он услышит:

Ты хочешь знать, почему они смеялись? Причины нет. Твое время прошло, не мучай себя. Все кончено и уже давно.

И далее:

Ты думал, что нужен в своем доме. Это не так. Тараканы в нем нужны побольше тебя. Ты был в свете огней. Но только те, кто в темноте, кто наблюдает — могут выжить. Будут сотни новых Джеков Конрадов. Это больше, чем жизнь.

Что можно сделать в такой ситуации? Почувствовать отвращение к морали новых поколений и уйти на покой в безбедную старость? Стать дюркгеймовским стариком, который заботится исключительно о приватной, индивидуалистической стороне своего «Я»? В случае Конрада это маловероятно. Его эгоизм — социален. Участвуя в производстве второсортного кино, он на некоторое время пытается задержаться в «форме существования», которая является «домом» и для него. Однако эта мера — паллиативная. Конрад бросает взгляд на жизнь съемочной площадки в последний раз — гримеры, продюсеры, звуковики, мастера по декорациям. Вместе они действительно нечто большее, чем он сам, но, увы, тот мир, который он считал своим, к которому испытывал чувство принадлежности и солидарности, — в прошлом. За несколько минут до смерти он признается:

Это было самое волшебное место в мире. Новые съемки, рецензии, новый роман, новый разрыв. Я устал... Ерунда, я самый везучий засранец в мире. У меня была хорошая карьера, правда? Да, и мне нравилось.

Мир, который Джек собственноручно строил, — закончился:

Те группы, к которым мы примыкаем для того, чтобы при их посредстве продолжалось наше существование, в свою очередь,

сами смертны; они также обречены разрушиться в свое время, унеся с собой все, что мы вложили в них своего¹¹.

Последний разговор, глоток виски, самые большие чаевые служащему, прощальный танец с самим собой. Выстрел.

Заключение: смотрим кино — понимаем жизнь?

Каждое самоубийство — это сложный набор субъективных мотивов и объективных причин. Нельзя поэтому самоуверенно утверждать, что случай Джека Конрада является примером чисто эгоистического типа самостоятельного ухода из жизни. Я использую его как предложенный Максом Вебером «идеальный тип» — теоретическую конструкцию, полученную «посредством мысленного усиления определенных элементов реальности»¹². Как методический инструмент идеальный тип не дает исчерпывающего изображения действительности, но позволяет отразить ее отдельные элементы.

Так и на трагедию Джека Конрада можно посмотреть с других точек зрения и, мысленно усилив некоторые черты его поведения, разглядеть в ней признаки других типов самоубийств, выделенных Дюркгеймом. Например, аномичного. Симптомами аномии, то есть общественной болезни, при которой общество не может повлиять на индивидуальное поведение человека, потому что само дезорганизовано, Дюркгейм считает неконтролируемую динамику желаний и страстей, несбалансированность индивидуальных запросов и общественной морали, несдержанность и отсутствие умеренности в поведении. Потрясение коллективного строя и нарушение социального равновесия, вызванные стремительным прогрессом (скажем, появлением звукового кино), способны открыть дверь

... иллюзиям, а следовательно, и разочарованию. Человек, внезапно вырванный из тех условий, к которым привык, не может не впасть в отчаяние, чувствуя, что из-под ног ускользает почва, хозяином которой он себя считал; и отчаяние его, конечно, обращается в сторону той причины — реальной или воображаемой, — которой он приписывает свое несчастье¹³.

11. Там же. С. 240.

12. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 389.

13. Дюркгейм Э. Самоубийство. С. 336.

Не видим ли мы тут отчаяния Джека Конрада?

Идеально-типический взгляд позволит читателю, вооруженному концептуальным аппаратом Дюркгейма, сформулировать еще много вопросов о судьбе героев фильма «Вавилон»¹⁴. Я предложу лишь несколько.

Если смерть Нэлли ЛаРой стала добровольной, то являются ли злоупотребление наркотиками и алкоголем, сексуальные девиации, а также съемки в низкопробном кино своеобразной попыткой растянуть или отложить самоубийство на попозже? Признание Мэнни Торреса в любви к Нэлли — это попытка предложить ей новые, но в то же время универсальные семейные социальные связи, которые иногда могут выполнять функцию «предохранителя»? Наконец, почему трубачу Сидни Палмеру удалось избежать несчастной участи других героев? Может, потому что он так и не стал участником кинематографического сообщества, сетка социальных отношений которого не успела поглотить его?

Социологическое умонастроение подсказывает, что ответы на эти вопросы неочевидны и не могут быть даны с опорой только на сюжет картины. Вполне возможно также, что работа над ними не поможет в решении насущных жизненных проблем (примерно как чтение «Самоубийства» Дюркгейма не остановит вас, если вы решитесь на страшное). Однако попытка с их помощью поупражняться в изучении социальной теории и развитии социологического воображения кажется не совсем праздною.

14. Вебер уточняет, что идеальные типы не являются гипотезами. Они лишь указывают, «в каком направлении должно идти образование гипотез» (Вебер М. Указ. соч. С. 389).

Библиография

- Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
- Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 133–144.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб.: Союз, 1998.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение. М.: Канон, 1995.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018.

DURKHEIM, SOCIAL EGOISM, AND CLEANING UP ELEPHANT SHIT,
OR WHY “LIVING WITHOUT A HIGH IS NO FUN”

ILYA PRESNYAKOV. Tel Aviv University (TAU); Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia, presnyakoviliaval@gmail.com.

Keywords: Émile Durkheim; social egoism; homo duplex; *Babylon*; elephant.

This text is neither about Émile Durkheim nor about the movie. It is a small exercise to demonstrate how a local sociological theory can be applied to analyze a certain work of fiction. To do this, we examine one theoretical tension contained within the French sociologist's ideas about the nature of human egoism. The reference to the movie *Babylon* (2022) is therefore no more than illustrative. Nevertheless, it allows us to vividly describe the ideal-typical characteristics of “egoistic” suicide.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-4-42-54

References

- Durkheim E. Dualizm chelovecheskoi prirody i ego sotsial'nye usloviia [Le Dualisme de la Nature Humaine et Ses Conditions Sociales]. *Russian Sociological Review*, 2013, vol. 12, no. 2, pp. 133–144.
- Durkheim E. *Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaia sistema v Avstralii* [Les Formes Elementaires de la Vie Religieuse. Le Systeme Totemique en Australie], Moscow, Elementary Forms Press, 2018.
- Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [De la Division du Travail Social. Les Règles de la Méthode Sociologique], Moscow, Nauka, 1991.
- Durkheim E. *Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etiud* [Le Suicide. Étude de Sociologie], Saint-Petersburg, Soyuz, 1998.
- Durkheim E. *Sotsiologiia. Ee predmet, metod i naznachenie* [Sociology. Its Subject, Method and Purpose], Moscow, Kanon, 1995.
- Weber M. “Ob”ektivnost” sotsial'no-nauchnogo i sotsial'no-politicheskogo poznaniia [Die “Objektivität” sozialwissenschaftlicher undsozialpolitischer Erkenntnis]. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works], Moscow, Progress Publishers, 1990, pp. 345–415.